

— Уууу, ты тоже не хочешь со мной играть, все не хотят со мной играть, все меня презирают, я ведь ничего плохого не сделала, почему вы все так поступаете?

Лун Сяовань больше не могла сдерживаться и громко разрыдалась.

С тех пор как она начала помнить себя, каждый относился к ней с крайним презрением. Она ничего не делала и ничего не говорила, но её преследовали, избивали и говорили всё более обидные слова.

В детстве у неё никогда не было друзей, принцессы и принцы её возраста избегали её. Кто же был рядом с ней, пока она росла?

Казалось, никто. Няни и служанки сменялись бесчисленное количество раз. Единственный, кто заботился о ней, был её третий брат.

Почему все так поступают? Ведь это не она виновата, у неё не было выбора.

Тан Цзю мысленно ругнула себя за свою глупость и неумение держать язык за зубами.

Это было самое слабое место Лун Сяовань, и она, как назло, задела её больное место.

Из-за сильных рыданий голос Лун Сяовань стал прерывистым, а лицо побледнело. Тан Цзю почувствовала, как сердце её сжалось. Она обняла Лун Сяовань, мягко похлопывая её по спине, успокаивая её.

Когда Лун Сяовань немного успокоилась, Тан Цзю мягко сказала:

— Малышка, прости, я была слишком резка. Как я могу не играть с тобой? Я просто говорила глупости.

Лун Сяовань, всхлипнув, спросила:

— Правда? Ты не обманываешь меня?

Тан Цзю посмотрела на неё с твёрдостью и серьёзностью:

— Конечно, правда. Я клянусь, если когда-нибудь я перестану играть с тобой, пусть я... пусть я никогда не найду мужчины.

«Ничего страшного, не нужен мужчина, найдётся Лун Сяовань».

Лун Сяовань засмеялась:

— Ты сама так сказала. Если передумаешь, то никогда не найдёшь мужа.

Тан Цзю сделала вид, что рассердилась, и сердито сказала:

— А если вдруг ты первая перестанешь играть со мной, и я приду к тебе, а ты меня проигнорируешь, разве это не будет моей ошибкой? Ах, так вот какой у тебя коварный план — оставить меня одной до старости!

— Нет, нет, — поспешно замотала головой Лун Сяовань. — Я не перестану играть с тобой, и у меня нет такого плана.

У неё было мало друзей, и теперь, когда у неё появился ещё один, она боялась, что та уйдёт. Как она могла перестать играть с ней?

В глазах Тан Цзю мелькнула хитринка, и она продолжала сердиться:

— Нет, я уже поклялась, и не могу взять свои слова обратно. Так что если вдруг это случится, я уступлю, и ты выйдешь за меня замуж, будем жить вместе, как получится.

— Ик... — как только Тан Цзю закончила говорить, Лун Сяовань неуместно икнула.

Лун Сяовань уже была пьяна, и этот ик только усилил её опьянение. Она не расслышала, что сказала Тан Цзю, и просто улыбнулась:

— Хорошо, только не бросай меня.

«Получилось!» Тан Цзю внутренне прыгала от радости, ей оставалось только подпрыгнуть на месте три раза.

Она не могла не заметить одиночество и унижение в словах Лун Сяовань. Она чувствовала, что всё это было в прошлом, теперь всё по-другому. Лун Сяовань была её, и она будет защищать её. Кто посмеет обидеть Лун Сяовань, она убьёт того!

Лун Сяовань наконец сдалась под натиском усталости и уснула на столе, улыбка всё ещё играла на её лице.

Тан Цзю тихо засмеялась, мягко подняла Лун Сяовань и направилась к своей комнате.

На следующий день в полдень.

Шэнь Нин всё ещё спал, его брови слегка нахмурены, время от времени он издавал лёгкие стоны.

Чу Е одной рукой поддерживал голову, а другой нежно гладил волосы Шэнь Нина. Его Нинь уже полностью принадлежал ему.

Взгляд Чу Е был прикован к Шэнь Нину, словно стоило ему отвести взгляд на мгновение, и Шэнь Нин исчез бы без следа.

— Ум... — Шэнь Нин слабо застонал, его сознание постепенно возвращалось. Острая боль в пояснице заставила его сморщиться.

Сжав губы, Шэнь Нин с трудом открыл глаза, его расплывчатое зрение сфокусировалось на лице Чу Е, выражающем полное удовлетворение.

Лицо Шэнь Нина исказила обида, и он заплакал.

Чу Е был застигнут врасплох внезапными слезами Шэнь Нина, его рука нервно вытирала слёзы:

— Нинь, что случилось, почему ты плачешь?

— Я больше никогда не буду спать с тобой, — сквозь слёзы сказал Шэнь Нин.

Чу Е ещё осмелился спрашивать, почему он плачет? Вчера он видел, как Чу Е...

Услышав слова Шэнь Нина, лицо Чу Е потемнело. Не спать с ним? Как это возможно? Он только раз вкусил этого, и теперь больше нельзя? Значит, его оставшаяся жизнь будет без счастья?

Чу Е вздохнул, он не соглашался с тем, что сказал Шэнь Нин, и успокаивал его:

— Я виноват, Нинь, я был так рад, что не смог сдержаться... В следующий раз я буду сдержан, если ты скажешь остановиться, я остановлюсь, хорошо?

Шэнь Нин перестал плакать, его лицо, покрытое слезами, повернулось к Чу Е:

— Правда? Ты не обманываешь меня?

Чу Е кивнул:

— Правда, правда.

Хотя он так говорил, но в душе думал, что, конечно, это неправда. Если Нинь скажет остановиться, он сделает вид, что не слышит.

Он впервые познал радости любви, и, почувствовав вкус, уже тайно планировал следующий раз.

Чу Е строил планы в уме, перевернул Шэнь Нина:

— Нинь, я помассирую тебе поясницу.

«Эх, жена уже получила травму, если не угождать ей, в будущем будет сложно».

— Ум... больно, больно, делай это мягче, — Шэнь Нин застонал от боли.

Чу Е не прикладывал много силы, но после ночи мучений боль в пояснице стала ещё сильнее при резком движении.

Увидев, что на лбу Шэнь Нина выступил холодный пот, сердце Чу Е сжалось, его рука на пояснице Шэнь Нина отодвинулась, он не знал, как массировать.

— Прости... я не смог сдержаться, — с болью и раскаянием сказал Чу Е, его пальцы осторожно коснулись поясницы Шэнь Нина, движения были крайне деликатны.

Он не ожидал, что его невоздержанность причинит Шэнь Нину такую боль. Он начал сожалеть о том, что вчера требовал снова и снова, не учитывая чувства Шэнь Нина.

Он защищал Шэнь Нина, но в итоге причинил ему боль.

Чувствуя подавленность Чу Е, Шэнь Нин слегка повернул голову и слабо улыбнулся:

— Просто сейчас больно, ты помассируешь, и всё пройдёт, и уже не так больно, спасибо, муженёк.

Чу Е массировал с правильной силой, хотя Шэнь Нин всё ещё чувствовал боль, но она стала намного меньше, чем раньше.

Глядя на лицо Шэнь Нина, которое старалось казаться спокойным, Чу Е не смог сдержать

смешка, он слегка щёлкнул Шэнь Нина по носу, с нежностью сказал:

— Самому больно, а ещё утешает меня.

— Я просто говорю правду. Ты так хорошо массируешь, зачем мне тебя утешать? — Шэнь Нин лёг, наслаждаясь массажем Чу Е.

— Если тебе нравится, то твой муж будет делать тебе массаж каждый день.

— Хорошо, не передумывай.

Чу Е ещё немного помассировал Шэнь Нина, накрыл его одеялом и встал с кровати.

— Ты куда? — спросил Шэнь Нин, наблюдая, как Чу Е одевается.

— Уже полдень, ты ещё ничего не ел, если проголодаешься, твой муж умру от жалости.

Чу Е взял лицо Шэнь Нина в руки, поцеловал его в лоб:

— Жди меня, я скоро вернусь.

— Хорошо.

В жилище Тан Цзю.

Лун Сяовань открыла ещё затуманенные глаза, затем её голову закружило от сильной боли. Лун Сяовань сморщилась, массируя виски, чтобы облегчить боль.

Что с ней случилось? Почему так болит голова? Это не её дворец, где же она?

Боль в голове усиливалась, Лун Сяовань непроизвольно свернулась калачиком, тихо стоная.

Тан Цзю, войдя, увидела Лун Сяовань в таком состоянии, она поставила принесённое и поспешно подбежала к ней, прижав к груди.

— Малышка, что случилось?

Лун Сяовань, с красными от слёз глазами, подняла лицо и жалобно посмотрела на Тан Цзю, тихо прошептала:

— У меня болит голова.

<http://bllate.org/book/16387/1483914>